

(Продолжение. Начало в № 54)

Вопросы к России

Вечером в кафе с соседнего столика доносится отличная английская речь – крепкий старик в аккуратном костюме тройке говорит по телефону. Через минуту разговор закончен, и он уже сидит за моим столом. Вячеслав – профессиональный юрист, русский, родился в Латвии, был заместителем прокурора республики, после распада СССР в одночасье стал никому не нужным негражданином. В 1998-м бежал в ПМР. – Почему сюда? Потому что Приднестровье – это Советский Союз со всеми его нравственными основами, отсутствием национализма, этикой, порядочностью, доброжелательностью. Здесь человек человеку не враг, а друг. Здесь вообще нет никакого национализма. Здесь все социально ориентированное.

Вячеслав говорит быстро, решительно – так, как будто выступает перед ответственной аудиторией.

– Вы из России? Журналист? Вопрос к российским журналистам – почему Россия не хочет учиться у Приднестровья? Здесь создана и отработана идеальная модель постсоветского государства. Здесь все сделано правильно. Здесь взяли лучшее от Советского Союза и от Европы и построили то, что нужно и удобно этой земле. Этому надо учиться всем. И России, и Украине, и Донецку. Почему не учатся?

– Как вы думаете, что будет с Приднестровьем?

– Это второй вопрос к России. Почему Россия не присоединяет ПМР? Это ее южная граница, ее надежный охранник и опора в борьбе с натовским окружением. Южнее Приднестровья у России ничего нет. Когда-то приднестровцы предлагали Москве разместить здесь крупнейшую военную базу. Это была бы отличная гарантия непроницаемости российских границ для натовских войск. Но это проигнорировали. Почему? Люди хотят остаться с Россией. Если сейчас в Молдове победит Евросоюз, Россия должна будет принять Приднестровье. Иначе будет война. Как в 92-м. Как сейчас в Донецке. Люди будут защищать свое право оставаться в русском цивилизационном пространстве. Вы этого хотите?

Смерть горниста

Первая кровь пролилась в ноябре 1990 года – молдавский ОМОН напал на Дубоссары. Люди с палками пошли на автоматы, трое были убиты. Активная фаза конфликта началась в марте 92-го и длилась до августа. План молдавского командования был прост – разделить Приднестровье на север и юг и добить по частям.

Мы с Володей Рябцевым едем из Тирасполя в Дубоссары по той самой дороге жизни, которая во время войны насквозь простреливалась с правого берега.

– Вот тут стоял пионер, – говорит Володя, останавливая машину перед небольшим холмиком среди пустых полей.

Гипсовый мальчик с горном в руке украшал собой скромный мемориал павшим здесь же на линии обороны в 1944-м. Он был родным братом девушки с веслом и родственником всех советских декоративных излишеств. Но этому горнисту была уготована участь героя.

Прямо к мемориалу примыкали окопы гвардейцев. Впереди до самого Днестра расстилалось бескрайнее, отлично простреливаемое поле. На том берегу сидели снайперы и били по окопам. Среди гвардейцев ходили упорные слухи, что давить

приднестровцев приехали снайперши из Прибалтики. В народе их называли «белые колготки». Эти-то «белые колготки» и использовали гипсового пионера для пристрелки. Гвардейцы в окопах день за днем наблюдали, как у пионера отстреливали горн, потом руку. Все гипсовое тело мальчика было изрыто пулями, но советский гипс, видимо, был надежным материалом. Добило пионера только прямое попадание мины.

– Но самое страшное случилось 19 июня 92 года в Бендерах, – вспоминает Рябцев. Бендеры, третий по величине город Молдавии, находится на правом берегу Днестра. Он тоже проголосовал за независимость и вошел в состав ПМР. В тот день в Бендерах был школьный выпускной бал. По улицам гуляли толпы нарядных выпускников. В середине дня в безоружный город вошли молдавские танки, и началась бойня. Танки ехали по улицам и расстреливали жилые дома. Люди хватали детей и бежали через мост на левый берег Днестра. Молдавские войска установили пушки на берегу и в упор расстреливали беженцев. Несколько раз в воздух поднималась авиация и бомбила мост. Дальше события разворачивались стремительно. На территории Приднестровья дислоцировалась 14-я армия, получившая строжайший приказ не вмешиваться. Треть военнослужащих были местными. Запрет Кремля не позволял им защищать свои семьи. В мае толпа приднестровских женщин ворвалась в армейскую часть и отобрала у военных танки. Военные особенно не сопротивлялись. Так у Приднестровцев появилась техника, что позволило отбить Бендеры. Но война продолжалась.

Молдавская артиллерия закрепилась на двух высотах на правом берегу и долбала Приднестровье из «Града». В конце июня 1992 года руководство 14-й армии неожиданно сменилось. В Тирасполь приехало новое военное лицо – генерал Лебедь. Он быстро выбрал сторону, которую надо защищать.

В ночь со 2 на 3 июля состоялось единственное вмешательство российских войск в войну Молдовы и Приднестровья. Генерал Лебедь, наплевав на приказы сверху, прямо с тираспольского полигона расстрелял две огневые точки противника на правом берегу из тяжелых орудий. После этого Молдова предложила начать мирные переговоры. Где-то к середине августа при посредничестве России был подписан договор о замораживании конфликта и вводе миротворческих войск. Тогда за три дня боев в Бендерах погибли 650 человек, 100 тысяч стали беженцами. Всего за время войны, по официальным данным, погибли тысяча человек. Есть основания полагать, что жертв было значительно больше.

Демократия по-гречески

– Есть четыре разновидности демократии, – говорит Владимир Рыляков. – Греческая, новгородская, европейская и американская.

– Еще есть пятая, – важно оглаживая серьезный животик, вставляет бывший министр иностранных дел ПМР Валерий Лицкай, – когда общий бардак.

– А у вас какая?

– Новгородская с элементами греческой, – убежденно говорит Рыляков.

– А в России пятый вариант – бардак, – машет рукой Валерий.

– Понимаете, демократия – это не когда все можно, – горячо вступает Рыляков. –

Демократия не имеет ничего общего с тем законодательным беспределом, игнорированием интересов большинства, которое мы наблюдаем на Украине.

Демократия – это когда все вместе делают дело, которое для всех является жизненно важным, и люди готовы принимать решения и отвечать за них. Вот мы строили такую

демократию.

Вечером еду из Дубоссар в Кишинев. За рулем местный таксист – серьезный мужик лет сорока, зовут Гриша.

– У меня дядя был среди тех троих, которые в первый день войны погибли, – говорит он, вглядываясь в темноту дороги. – Я тогда матери сразу сказал: все, иду родину защищать. Она и не спорила даже. Мне тогда только восемнадцать исполнилось, меня особо не пускали никуда, но посмотрелся всего.

Гришиному другу на передовой миной оторвало ноги. Когда раздалось знакомое «фюить» и все побежали, он замешкался буквально на секунду.

– Мы к нему подбегаем, а он не понял еще, лежит, смеется и орет на нас, чтобы мы ему помогли встать. А у него там вместо ног... Матьерь божия! Знаете, я что думаю. Это, наверно, дико звучит, но я судьбе благодарен за то, что был на той войне. Война – она все на место ставит. Быстро понимаешь, что имеет смысл защищать, а что нет. Вот мы тут живем, вроде, бедно. Но – я вам не могу объяснить почему – есть смысл это защищать.

Подъезжая к Кишиневу, я слышу, как Гриша мрачно говорит рулю:

– Демократия, демократия! Да ну ее на фиг – эту демократию. Что это такое? Сами не знают. У людей должна быть работа, дом, дети, порядок. Все.

Между двумя ладошками

Вопрос о том, что будет дальше, в Приднестровье задавать как-то страшно. Республика двадцать четыре года ходит по краю политически возможного, иногда через него переступая.

– Мы были наивными идеалистами в начале. Мы думали, что разум и здравый смысл должны победить. Но все оказалось не так, – говорит Володя Рябцев. – Мы существуем в мире капитализма и должны принимать правила игры. Здесь романтизм вянет. Нам казалось, что благо народа – это такая простая очевидная вещь. Отсутствие национализма, соцгарантии, обеспечение рабочих мест, частной инициативы, единства народа и власти — это же так просто! Но теперь все это не кажется таким уж очевидным. Поддерживать конфликт, неопределенность ситуации оказывается выгодней.

Посмотрите на Украину.

Увы, приднестровский опыт создания социального рая в геополитических раскладах нынешней Европы не стоит ничего. Эта территория ценна не как образец гражданского благополучия, а лишь как разменная монета между Востоком и Западом.

До сих пор страну спасала ее малость, упрямство и умение лавировать. Но на фоне агонизирующей Украины судьба ПМР выглядит как судьба улитки, убегающей от трактора. Созданная как заповедник здравого смысла, ПМР почти четверть века ждет, когда на большой земле тоже поверят в здравый смысл и человеческие ценности. Однако этот заповедник справедливости оказался в жестокой ловушке геополитики – большая земля не торопится меняться.

– Мы здесь между двумя ладошками, – говорит Рябцев. – С одной стороны – Молдова, с другой – Украина. И там, и там идут все новые витки европеизации. Это несостоявшиеся, несамостоятельные государства. У них нет своих стратегий, они способны на все. Украина уже несколько раз заявляла, что ПМР – их враг. Если они

перекроют нам газ, нам конец.

Тот самый «приднестровский вариант», который ЕС предлагает осуществить на Украине, – это только иллюзия решения конфликта. Этой иллюзией будут жить сотни тысяч людей, жителей востока Украины. Возможно, они, как и жители ПМР, в нее поверят и будут строить свою маленькую модель совершенного государства. Но для больших геополитических игроков смерть подобных «стратегических сбоев» только вопрос времени: не смогли согнуть военными методами – согнут экономически и политически.

А между тем опыт подобных непризнанных республик говорит о реальности тех социальных феноменов, которые отказывается признавать большая геополитика. Вопреки всем экономическим теориям государственность Приднестровья держится не за счет богатства страны, а за счет чувства единства народа и власти. «Мы будем защищать нашу родину», – говорят приднестровцы. «Мы будем отстаивать ваши интересы», – говорит власть. Договор, заключенный в начале 90-х, действует до сих пор.

Не возьму!

– Сначала скажите, каковы ваши впечатления. Вопросы потом, – строго говорит Евгений Шевчук, президент ПМР.

– Бедная, но спокойная страна, – честно отвечаю я. – С европейской экономикой и советскими гарантиями – оптимальная модель для постсоветского пространства.

Евгений Васильевич удовлетворенно кивает:

– Теперь я буду отвечать на вопросы.

– Почему в начале девяностых все хотели на Запад, а приднестровцы нет?

– Мы сейчас сами пытаемся понять, почему приднестровцы так себя повели, – отвечает Шевчук. – Надо смотреть в историю. Приднестровье – это граница Российской империи. Здесь всегда были войны. С тех времен сформировалось определенное отношение людей к конфликтам. Россия всегда была государством, при котором здесь войны заканчивались. Россия в 1992 году фактически остановила кровопролитную войну. И до сих пор разделяет конфликтующие стороны – у нас каждый год до шестидесяти конфликтов с молдавскими правоохранительными органами. Только Россия является гарантом мира.

– Что положено в основу вашей государственности?

– Приднестровье организовано не сверху, а снизу. Основные вопросы государственности ПМР утверждены референдумом. Все эти вопросы, по нашему мнению, не должен решать президент. Должен быть совет народа. Это предопределяет все наши решения.

– Демократия бывает разная. Народ разный, можно по-разному на него опираться. В России тоже демократия, но восторжествовала идея рынка.

– Некий романтизм о рынке был и в Приднестровье. Но масштабная приватизация началась только в 2003 году.

– Как сейчас устроена ваша экономика?

– У нас очень серьезные проблемы с внешнеэкономической деятельностью. Проблемы с импортом, с транспортом, с блокированием банковской системы. Многие предприятия работают на 30–40% мощности. Сейчас, например, Украина ввела усиленный спецрежим для импорта товаров в ПМР. Теперь завезти какое-то сырье возможно только после

того, как ты регистрируешь свое предприятие в Молдове. Иначе не пустят. Уже несколько месяцев существует запрет на ввоз подакцизных товаров. Это автомобили, спиртное и так далее. Приднестровцы не могут купить грузовой транспорт, чтобы возить грузы в Россию, потому что Молдавия не дает документов. Это все очень сложно, долго рассказывать. Все время ситуация меняется.

– То есть с обеих сторон масса мелких гадостей?

– Они кажутся мелкими, но эти проблемы лишают приднестровцев тех нормальных экономических инструментов, которыми все пользуются. Кроме того, нас больно затрагивают экономические проблемы соседей. Мы живем не на острове, это понятно. Хотелось бы пожелать нашим соседям, чтобы было больше стабильности. Мы заинтересованы в том, чтобы и Молдавия, и Украина процветали. Когда у тебя богатый сосед, с ним приятно торговать.

– Можно прогноз от президента ПМР? Оптимистический и пессимистический.

– Если бы я делал прогнозы, я бы работал синоптиком. Моя задача – создать достойные условия для жизни здесь. Остальное – инструменты. Одним из инструментов является признание Приднестровья. Мы много раз говорили, что человек, его права, интересы являются главными элементами в принятии решений в зонах конфликта. Предлагались разные формулы. Сначала конфедерация. Потом федерация. Потом автономия. И все эти варианты не нашли поддержку у большинства граждан.

– Спасет ли федерализация с Молдовой, если она изберет прорумынскую ориентацию?

– Это пройденный этап. В 2003 году ПМР дважды поддержала возможность такого исхода. Сначала это был проект конституционной комиссии, потом «меморандум Козака». Молдова отказалась подписывать все. В 2006 году началась блокада экспорта наших товаров через украинскую границу. Получается интересно. Молдова отказывается от урегулирования и давит на Приднестровье. Наверное, рассчитывая на то, чтобы Приднестровье сдалось на милость победителя.

– А что народ? Ведь люди устали.

– Люди устали. Многие уехали. Но в 2006 году мы провели референдум, где определились окончательные предпочтения приднестровцев. Знаете, 97% высказалось за независимость и воссоединение с Россией. Люди уже не хотят даже обсуждать федерализацию с Молдовой на фоне той политики, которую она сейчас ведет. А что касается перспектив... Мы всегда предлагали решать проблемы мирно, на базе волеизъявления граждан. Надеюсь, так и случится.

Евгений Васильевич отводит глаза в сторону и твердо добавляет:

– Пессимистический сценарий рассматривать не будем.

Прощаясь, я полушутя задаю последний вопрос:

– Но ведь Россия уже не Советский Союз. Может быть, лучше присоединить к ПМР Россию?

– Не возьму! – строго отвечает Шевчук. – У меня маленький бюджет.

Дарья АНДРЕЕВА.

(«Русский репортер». №6)